

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1990-х гг. (к 25-летней годовщине путча ГКЧП)

Рассмотрены процессы демократизации в России 1990-х гг. в контексте трансформации политико-идеологической сферы. Показано, что либерально-демократические идеи и ценности, доминирующие в российской политической жизни в начале переходного этапа, к концу 1990-х гг. вошли в противоречие с актуальными политическими практиками и авторитарными тенденциями российской власти.

Ключевые слова: политическая идеология; политические ценности; демократический транзит; СССР; Россия; коммунизм; либерализм; авторитаризм.

События августа 1991 г., начавшиеся как попытка государственного переворота, имевшего целью сохранение СССР, КПСС и власти советской номенклатуры, фактически поставили точку в существовании Советского государства. Их продолжением стали революционные преобразования, приведшие к власти новые демократические силы. Эта веха отечественной политической истории, казалось бы, глубоко проанализирована и отрефлексирована в современных социально-гуманитарных науках. Трансформационным процессам, которым подвергалось общество и государство, посвящено множество исследований, особенно эта тема стала востребованна и актуальна в первое десятилетие существования новой России. Однако она по-прежнему ставит перед исследователями ряд вопросов, касающихся природы трудностей и неудач пореформенного периода, что, в конечном счете, повлияло на результаты российских трансформаций и определило вектор дальнейшего развития государства и общества.

Анализируя демократический транзит, А.Ю. Мельвил трюует его как «полиморфные процессы перехода от одного общественного и политического состояния к другому» [1], конечный итог которых – демократия – не обязательно всегда предопределен и достижим. Для России этот переход стал новым длительным периодом постсоветской истории государства, который во многом не завершен и сегодня. Вместе с тем демократический транзит в его российском варианте, с нашей точки зрения, не может получить однозначной оценки, мы лишь можем учитывать специфику, характеристики и функции, и самое важное – идейно-смысловые последствия процессов, которые ознаменовали новый этап.

Вопрос об идейных, содержательных основах постсоветской политической жизни приобретает особую значимость еще и в силу того, что социальные и политические катаклизмы, которые Россия пережила в XX в., не раз завершались тотальной «переоценкой ценностей», зачастую приводившей к идеологическому коллапсу либо несбалансированному усилению роли идеологии как значимым факторам политико-исторической динамики. В данном случае политико-историческая динамика современной России в ее ценностно-идеологическом аспекте представляет собой комплекс трансформаций символических практик и деятельности социальных агентов в процессе освоения политического пространства, которое как инсти-

туционально, так и неинституционально претерпело существенные изменения за последние 25 лет.

Во многом делегитимация и крушение идейно-ценностных основ советского режима, когда в одночасье тотальная идеологическая модель перестала осуществлять свои основные функции, предопределили распад единого политического и экономического пространства Советского Союза задолго до августовских событий 1991 г. Как отмечает В.В. Согрин, «анализ источников, отразивших состояние общественного мнения России 1980-х гг., свидетельствует, что ее либерально-демократический выбор носил добровольный характер и имел под собой объективную основу» [2. С. 5]. Главным образом несостоятельность социалистической модели определялась ее сравнением с западным демократическим эталоном, порождая духовно-ценностные основания для конфликтов и напряженности. Мы можем говорить, что истоки этой напряженности лежали, в том числе, в сфере политической идеологии. Так, согласно Ш. Эйзенштадту, существует два типа напряженностей, ставших «существенными компонентами <...> политической динамики современных режимов» [3. С. 32]. Первый тип напряженности связан с пониманием политики как демократического процесса в противовес взгляду «на общество как на сложившуюся корпорацию» [Там же. С. 33], второй «заклучался в расхождении между представлениями, носившими тотальный, обычно утопический и / или коммуналистский характер <...> – и более плюралистичным взглядом...» [Там же]. Таким образом, в России конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. противостояние принципов плюрализма и тотального приоритета коллективизма и унификации определило острое столкновение идеологических позиций внутри общества и на политической арене страны. Ключевыми элементами символической борьбы в новых российских реалиях стали отказ от советского прошлого и отрицание всего «старого», присущего тоталитарной эпохе.

Кроме того, противостояние коммунизма и либерализма также определяло идеологическую картину мира большую часть XX в. Первый, главным образом в либерально-демократической традиции, рассматривался как навязывающий системы убеждений в рамках господствующей идеологии, второй – как «внеидеологичный» антипод тоталитарной идеологии [4. С. 23–27]. При этом и советская марксистско-ленинская идеология претендовала на «неидеологич-

ность», акцентируя внимание на научности обоснования коммунистического строя. Тем не менее с падением коммунистического режима с авансцены исчез явный идеологический конфликт геополитического масштаба. Различные интерпретации целостного универсума и соперничающие определения политической реальности, которые, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, являются отличительными признаками идеологии [5. С. 200], перетекали из пространства глобального и сомкнулись в пределах одного государства. При этом, как подчеркивает Дж. Шварцмагел, «любую проблему можно выделить исключительно в структуре более глобальной идеологической политики, которая, выражаясь метафорическим языком, формирует карту мира и позволяет определить, почему какая-то проблема действительно является проблемой и за нее стоит бороться или выходить на демонстрацию» [4. С. 19]. Так, новая для России либерально-демократическая идеология, противостоящая тотальной марксистско-ленинской модели, выступила универсальным проектом социально-политических изменений, стимулирующим революционные преобразования в стране, а порой и блокирующим альтернативные варианты существующего порядка, выходящие за рамки становящейся политической системы.

Единый процесс демократизации общественной, культурной и политической жизни, соответствующие принципы общественного устройства и, в конечном счете, сами демократические идеи образовали общий контекст функционирования идеологического поля, в котором оформлялись, институционализировались и конкурировали множество идейных платформ, разнообразных партийных идеологий левого и правого спектров, вплоть до радикальных вариаций. Напомним, в 1993 г. в парламентских выборах приняли участие 13 партий, в 1995 г. их количество увеличилось до 43 партий и блоков, в 1999 г. на мандаты в Государственной Думе претендовали 26 партий и блоков [6], а соответственно, количество предлагаемых идеологических проектов изменений исчислялось десятками.

Взросшее разнообразие в ценностно-идеологическом пространстве поддерживалось, с одной стороны, процессами институционализации политических партий и становлением новой политико-культурной модели преобразования общества. С другой – находилось, вместе с тем, в векторе иных институциональных процессов, опиравшихся на конституционно закреплённое доминирование президентской власти. Ф. Закария так описал это явление, на много лет определившее характер и специфику российского политического процесса, в том числе и в его идеологическом измерении: «Взобравшись на танк, – пишет автор, – Ельцин фактически стал зачитывать декреты, то есть произвольные президентские указы, которые потом составляют отличительный признак восьми лет его правления. <...> затем правление с помощью декретов превратилось в стандартную рабочую процедуру. Сталкиваясь с трудными проблемами, Ельцин не стремился решать их политическими средствами путем мобилизации своих сторонников; не шел он и на компромиссы. Вместо этого он регулярно выпус-

кал президентские указы <...> используя свою власть и популярность, но не прибегая к нормальной политической практике взаимных уступок» [7. С. 87–88]. Такая ситуация, по сути дела, уничтожала конкурентный потенциал политических сил, идейная борьба которых ограничивалась рамками ослабленного парламента. Тем самым в российской политике обнаружился себя авторитарные тенденции и движение к унификации идеологического пространства.

Итак, стихийное освоение демократических практик российским обществом и элитами привело лишь к формальному исполнению демократических процедур, которые к тому же существенно корректировались принципами политической целесообразности и внутриклановыми интересами и в своей основе определялись традициями властвования и подчинения. Подобный порядок, где «перемешаны выборность и авторитаризм», Ф. Закария назвал нелиберальными демократиями [Там же. С. 89]. Основная проблема этих режимов заключается в преждевременной реализации выборных процедур на различных уровнях в условиях, когда в государстве не установлен необходимый правовой и экономический порядок, именно на этих аспектах настаивает Ф. Закария. Помимо прочего, с нашей точки зрения, необходимо учитывать общий политико-культурный контекст становления демократической парадигмы и либеральной идеологии. Ценностные структуры и идеологические смыслы сталкивались с практиками, часто опровергались реалиями политического процесса и накладывались на отечественную политическую традицию.

Типологически российский демократический транзит стал процессом модернизации для нашей страны (см.: [8. С. 7]). Как, например, указывает Ш. Эйзенштадт, «модернизация может иметь частичный характер, т.е. формирование новых институтов или современных организационных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации», и также в ситуации модернизации «по крайней мере частично логика и тип развития обусловлены некоторыми аспектами традиционного устройства общества и должны трактоваться в связи с этими аспектами. Признание значения этих исторических сил и вело к выявлению относительной самостоятельности символической сферы по отношению к структурным аспектам социальной регуляции» [9. С. 473]. В этом отношении теория модернизации Ш. Эйзенштадта предлагает нам объяснение специфики российских политико-идеологических процессов в их исторической перспективе. В частности того, что в России середины – конца 90-х гг. проявила себя проблема ценностной дифференциации общества, более того – ценностного противостояния элитобразующих и массовых групп [10. С. 84]. Российская власть ельцинского периода, развиваясь автономно от социума, стала основным агентом модернизации. Формально являясь основным носителем либеральных идей, она проводила политику популизма, опирающегося на патерналистские ценности – базовые ценности российского традиционного политического сознания.

Либерально-демократическая традиция западного образца подразумевает движение к более свободному обществу. Но что характерно, в российском варианте ценность свободы имеет иной смысловой код. В России ценность свободы сформировалась как «свобода от», в меньшей степени оформилась «свобода для». На эту двойственность свободы обратил внимание еще Э. Фромм, разделив негативную и позитивную свободу, акцентируя внимание, разумеется, на психоаналитическом срезе проблемы [11. С. 35–43]. Для нас же это разделение существенно в идеологическом плане. Предоставление основных демократических гражданских свобод все же сочеталось со «свободой отрицания» в первую очередь советского наследия и, что немаловажно, рассматривалось как свобода от государственного произвола. Однако же ценность свободы в позитивном смысле, утверждающая самостоятельность, независимость и достоинство личности в массовом сознании, в том числе и в публичном пространстве, не приобрела первостепенное значение. А именно это ключевой ценностно-идейный ряд либерально-демократической идеологии. Ряд экономических прав, реализация которых предполагает свободу как ответственность и обязанность, российским обществом осваивался и принимался вполне успешно. М.А. Шабанова, опираясь на результаты эмпирических данных, отметила, что «поле индивидуальной свободы <...> лежит в пространстве преимущественно социально-экономическом, а не в политическом или юридическом» [12. С. 402]. Вместе с тем, как далее пишет автор, «что касается самостоятельных и

независимых от властей социальных действий и состояний <...>, то пока в большинстве случаев они лежат за пределами области актуальной социальной свободы» [12. С. 402]. В сущности, в условиях демократического режима, персонификацией которого являлся, в первую очередь, Б. Ельцин, доминирующая идеологическая модель олицетворялась с либерально-реформистским окружением президента. Именно последняя в достаточной степени не оправдала себя в массовом сознании. Впрочем, как и демократические практики выборов утратили свою первоначальную ценность, сказывались усталость и разочарование людей в процедурах, которые существенно не меняли их положение. Демократия как модель развития спускалась сверху, тогда как формирование и функционирование гражданского общества в России не находили соответствующего культурного шаблона, способного организовать подобный тип деятельности. Идеи ориентации либерально-демократического толка вошли в противоречие с реально сложившейся структурой власти, которая традиционно тяготела к авторитарной модели. Так, получив «свободу от», но не освоив «свободу для», иными словами, столкнувшись и не справившись с проблемами и вызовами новой политической, социальной и экономической системы, большинство населения страны сформулировало для себя основные ценности, обеспечить которые опять же могло только государство. «Стабильность» и «безопасность» – те ценностно-смысловые доминанты, на основе которых в конце 1990-х – начале 2000-х гг. был сконструирован образ новой власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельвил А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6–38. URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php> (дата обращения: 13.09.2016).
2. Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. М.: Прогресс-Академия, 1994. 192 с.
3. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
4. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. 312 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. Выборы // Политика: электронное периодическое издание. URL: <http://www.politika.su/vybory/vybory.html> (дата обращения: 15.09.2016).
7. Захария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
8. Тышта Е.В. Синтез концепций модернизации и транзита в современной исторической науке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25). С. 11–20. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sintez-kontseptsii-modernizatsii-i-tranzita-v-sovremennoy-istoricheskoy-nauke> (дата обращения: 19.09.2016).
9. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 470–480. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Erasmus/55.php (дата обращения: 14.09.2016).
10. Лапкин В.В. Изменение ценностных ориентаций россиян (Круглый стол журнала «Полис») // Полис. 2000. № 1. С. 84–85.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Академический проспект, 2007. 270 с.
12. Шабанова М.А. Индивидуальная и социальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: Изд-во Ин-та «Московская высшая школа социальных и экономических наук», 2000. С. 399–410.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 ноября 2016 г.

DYNAMICS OF THE AXIOLOGICAL AND IDEOLOGICAL DIMENSION OF RUSSIAN POLITICAL LIFE OF THE 1990S (THE 25TH ANNIVERSARY OF THE 1991 SOVIET COUP D'ÉTAT ATTEMPT)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 145–148.

DOI: 10.17223/15617793/413/22

Veronika G. Skochilova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: veronassk@gmail.com

Keywords: political ideology; political values; democratic transition; USSR; Russia; communism; liberalism; authoritarianism.

The article aims to analyze the essence and trends in the axiological and ideological dynamics of Russian political life in the 1990s. The collapse of the united political and economic space of the Soviet Union was largely predetermined by the delegitimization and crash of the ideology and values of the regime. The mass appeal of the ideas of liberal democracy, democratic institutions and practices opposed the Soviet model and caused spiritual and axiological foundations for conflicts and tension. Confrontation between the principles of pluralism and democracy on the one hand and total utopian collectivism and unification on the other hand in Russia in the late 1980s – early 1990s determined the acute clash of ideological positions, both within society and in politics. A key element

of the symbolic struggle in the new Russian reality was refusal from the Soviet past and rejection of the features of the totalitarian period. A transitology model allows to consider the entire process of democratization of the social, cultural and political life as a factor of axiological and ideological space functioning. Formation and institutionalization of many ideological platforms took place under the influence of democratic ideas. However, the spontaneous use of democratic practices by Russian society and elites led only to the nominal execution of democratic procedures. The initial competition of multiple party ideologies was accompanied by institutional processes based on the dominance of presidential power according to the Constitution. It determined the decrease in the competitive potential of the political forces whose ideological struggle was limited to the frames of the weakened parliament. This is how authoritarian tendencies and the movement to the unification of the ideological space appeared in Russian politics. It is shown that the political realities of the 1990s and traditions of rule and subordination in Russia led to the establishment of the so-called “illiberal democracy” (F. Zakaria) as a political order. The ideological orientations of liberal democracy came into conflict with the real structure of power which traditionally related to the authoritarian model. The combination of election procedures and authoritarian practices in the common political and cultural context of the democratic paradigm formation in Russia led to the disappointment in democratic procedures and values. The basic values-and-meaning dominants in the society’s mood (“stability” and “security”) were determined at the turn of the 21st century. The image of the new power was constructed on that basis.

REFERENCES

1. Mel'vil', A.Yu. (1998) Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i protsedurnogo podkhodov k demokraticeskim tranzitam [Experience of theoretical and methodological synthesis of the structural and procedural approaches to democratic transitions]. *Polis*. 2. pp. 6–38. [Online] Available from: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php>. (Accessed: 13th September 2016).
2. Sogrin, V. (1994) *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii. 1985–1994: Ot Gorbacheva do El'tsina* [The political history of modern Russia. 1985–1994: From Gorbachev to Yeltsin]. Moscow: Progress-Akademiya.
3. Eisenstadt, S. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and the transformation of society: a comparative study of civilizations]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
4. Schwarzmantel, J. (2009) *Ideologiya i politika* [Ideology and politics]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentr.
5. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality: A Treatise in the sociology of knowledge]. Translated from English. Moscow: Medium.
6. Politika.su. (n.d.) *Vybory* [Elections]. [Online] Available from: <http://www.politika.su/vybory/vybory.html>. (Accessed: 15th September 2016).
7. Zakaria, F. (2004) *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami* [The Future of Freedom: illiberal democracy in the United States and beyond]. Translated from English. Moscow: Ladimir.
8. Tyshta, E.V. (2013) Synthesis of modernization and transit concepts in modern history. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 5 (25). pp. 11–20. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/sintez-kontseptsiy-modernizatsii-i-tranzita-v-sovremennoy-istoricheskoy-nauke>. (Accessed: 19th September 2016). (In Russian).
9. Eisenstadt, S. (1998) Novaya paradigma modernizatsii [A new paradigm of modernization]. Translated from English. In: Erasov, B.S. *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy: khrestomatiya* [Comparative Study of Civilizations: anthology]. Moscow: Aspekt Press. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eras/55.php. (Accessed: 14th September 2016).
10. Lapkin, V.V. (2000) Izmenenie tsennostnykh orientatsiy rossiyan (Kruglyy stol zhurnala “Polis”) [Change in the value orientations of Russians (Round Table of the Polis journal)]. *Polis*. 1. pp. 84–85.
11. Fromm, E. (2007) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii prospekt.
12. Shabanova, M.A. (2000) Individual'naya i sotsial'naya svobody v reformiruemy Rossii [The individual and societal freedom in the reformed Russia]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kuda idet Rossiya? Vlast', obshchestvo, lichnost'* [Where is Russia going? Power, society, identity]. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences.

Received: 14 November 2016